

Постсоветское пространство

DOI: 10.31249/kgt/2022.06.10

Периодизация развития законодательства о противодействии экстремизму в некоторых государствах постсоветского пространства

Алла Васильевна ВЕРЕЩАГИНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
ул. Гоголя, д. 41, г. Владивосток, Российская Федерация, 690014
E-mail: vereschagina_alla@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2243-0007

ЦИТИРОВАНИЕ: Верещагина А.В. Периодизация развития законодательства о противодействии экстремизму в некоторых государствах постсоветского пространства // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 6. С. 196–213.
DOI: 10.31249/kgt/2022.06.10

Статья поступила в редакцию 29.07.2022.
Исправленный текст представлен 10.10.2022.

АННОТАЦИЯ. Формирование нового миропорядка после Второй мировой войны сопровождалось разработкой международного права, закреплявшего в том числе стандарт прав личности. Красной нитью в международных правовых актах проводятся идеи недопустимости расизма, ксенофобии, ненависти и их крайних проявлений – террористических актов. С 90-х годов XX в. феномен экстремизма начинают рассматривать как явление, хотя и связанное с террористической деятельностью, но имеющее самостоятельное негативное влияние на общество. В 2001 г. государства – члены ШОС принимают Конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, положившую начало формированию на-

ционального противоэкстремистского законодательства в некоторых государствах СНГ. Целью исследования является периодизация развития законодательства о противодействии экстремизму в государствах постсоветского пространства. В развитии специального законодательства о противодействии экстремизму на постсоветском пространстве можно выделить два этапа, каждый из которых имеет особенности. Период с 2001 по 2009 г. – это время разработки и принятия национальных законов, в которых закреплены основные понятия, принципы и направления противодействия экстремизму, а также вопросы международного сотрудничества. На втором этапе, с 2009 г. по настоящее время,

продолжается детализация нормативных предписаний с учетом нарабатанного опыта. Приняты новые законы в Таджикистане и Узбекистане. В принятой в 2017 г. Шанхайской конвенции по противодействию экстремизму конкретизированы приемы межгосударственного сотрудничества. Однако даже с учетом нововведений специальные законы о противодействии экстремизму носят рамочный, требующий конкретизации в других законах и подзаконных актах характер; также они сходны по структуре и содержанию и имеют ряд обусловленных социальным и политическим контекстом особенностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: террористический акт; экстремизм; экстремистские действия; экстремистские материалы; законодательство о противодействии экстремизму; Белоруссия, Молдова, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан.

Введение

Публикации, посвященные проблеме экстремизма, преимущественно освещают несколько аспектов: характеристику международных актов о противодействии терроризму и экстремизму и международное сотрудничество в этой сфере; компаративные исследования законодательства государств постсоветского пространства, реже – государств дальнего зарубежья; проблемы регламентации и применения норм о правонарушениях экстремистской направленности в России и за рубежом, прежде всего в государствах СНГ; российское уголовное законодательство о противодействии экстремизму и методику расследования преступлений экстремистской направленности. Авторы единодушны в определении

негативных последствий экстремизма и экстремистской деятельности для индивида, общества, государства; сетуют на недостаточность и нечеткость понятийного аппарата, что затрудняет квалификацию действий привлекаемого к ответственности лица, систематизацию и методику расследования преступлений экстремистской направленности и др. [Агапов, 2011; Амельчакова, 2020; Барабаиш, 2020; Баранов, 2022; Бешукова, 2014; Ганаева, 2020; Кочои, 2022 и др.].

Несмотря на многочисленность работ, вне внимания исследователей остался вопрос периодизации формирования современного специального законодательства о противодействии экстремизму в государствах СНГ. Цель нашего исследования – выявить этапы развития современного противоэкстремистского законодательства в государствах постсоветского пространства. Для достижения заявленной цели необходимо определить круг источников права о противодействии экстремистской деятельности, изучить содержание нормативных предписаний и дать характеристику каждого периода.

Предпосылки формирования специального законодательства о противодействии экстремизму в государствах постсоветского пространства

В литературе выделяются две точки зрения на причины распространения экстремизма в том или ином государственно-организованном обществе: 1) рост бедности, низкий культурный уровень некоторых групп населения и т. п., что не подтверждается исследованиями; 2) трансформация государства, сопровождающаяся накоплением крайних взглядов в маргинальных

слоях общества, столкновением черт традиционных и новых культур, неполным изменением условий жизни и статуса [Смоляков, Арестов, Носенков, 2020], что может быть проиллюстрировано примерами из истории России. Это активизация экстремистских проявлений, сопряженных с совершением террористических актов, в 60–80-е годы XIX в., начавшейся в результате реформ Александра II по модернизации России; в начале XX в. это террористическая деятельность социал-революционеров [Маньков, 2017], экспроприации (эксы) большевиков (самая известная – ограбление Тифлисского отделения Государственного банка Российской империи в 1907 г.), совпавшие с преобразованием российской экономической и политической системы, и т. п. Однако никакого специального противоэкстремистского законодательства в дореволюционной России не было. Тем не менее некоторые авторы усматривают легализацию преступлений экстремистской направленности, напоминающих современные, еще в Русской Правде [Ганеева, 2020], приводя в качестве таковых нормы о штрафной ответственности в 40 гривен за убийство состоявших на службе у князя княж мужей, тиунов, ябетников (ябедников) и мечников и в 80 гривен за убийство огнищанина, занимавшего самое высокое место в иерархии княжеской администрации (ст. 1 Троицкого и Карамзинского списков и ст. 18 Академического списка) [Калачов, 1846]. В последовав-

ших за Русской Правдой нормативных правовых актов уголовно-правовые запреты, ограждающие жизнь, здоровье, честь и достоинство Московского государя, а затем Священной Особы Государя Императора и Членов Императорского Дома, а также представителей царской администрации, ширились и детализировались – вплоть до того, что сама мысль о посягательстве на жизнь Государя, бунте или измене являлись преступлением¹. Общий абрис дореволюционного законодательства позволяет прийти к выводу об отсутствии в этот период легального понятия «экстремизм». Основу конструкций уголовно-правовых запретов, часть из которых в современном российском праве относят к преступлениям экстремистской направленности, составляло отождествление государя и государства, поэтому защита власти осуществлялась через ограждение Особы Императора и Членов Императорского Дома от любых негативных проявлений, которые умалили бы достоинство монарха или причинили бы ему какой-либо вред.

Нормы, направленные на охрану советского строя, территориальной целостности, порядка управления, имелись и в уголовном законодательстве советского периода². С учетом темы исследования отметим уголовно-правовые запреты, имевшиеся в УК РСФСР 1926 г., относящиеся через призму современных подходов к преступлениям экстремистской направленности,

1 К примеру: Уложение Царя и Великого Князя Алексея Михайловича от 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. I. – Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – № 1. – Статьи 1, 2 главы 1; Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных от 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XX. – Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. – № 19283. – Статьи 245–252, 263 и др.; Уголовное уложение 22 марта 1903 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение I. – Санкт-Петербург : Государственная типография. 1905. – № 22704. – Статьи 99–107, 118 и др.

2 Глава 1 «Преступления государственные», глава 2 «Иные преступления против порядка управления» Уголовного кодекса РСФСР от 22 ноября 1926 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600; глава 1 «Государственные преступления». Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

в частности: пропаганда или агитация, призывающая к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений с использованием «религиозных или национальных предрассудков масс» (ч. 2 ст. 58_10); пропаганда или агитация, направленные к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни, или распространение или изготовление и хранение литературы того же характера (ст. 59_7). В УК РСФСР 1960 г. подобных составов преступлений уже нет, за исключением нормы о нарушении равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии (ст. 74), которая, скорее, по своей формулировке есть гарантия прав личности вне зависимости от ее этнических, религиозных и иных характеристик. Вышеозначенные особенности регламентации в советский период – дополнительное подтверждение тезиса об имманентности экстремистской идеологии для переходных обществ и государств, коим СССР был в 20-е годы XX в., когда укоренялась советская власть, и не был в 60-е годы XX в., когда советская власть стала данностью. Сказанное не означает, что подспудно в СССР не существовало межэтнических и межрелигиозных трений. Скорее, они находились в «спящем» состоянии, и спусковым крючком их объективизации и активизации стали распад СССР, образование суверенных государств, переустройство общественных отношений, прежде всего отношений

собственности, переосмысление ценностей и т. п. Общественная и государственная ломка спровоцировала многочисленные, прежде всего межэтнические и религиозные, конфликты [Некрасов, 2017]. Это обусловило необходимость формирования специального, направленного на противодействие экстремизму законодательства в государствах постсоветского пространства. К этому моменту наработки в регламентации вопросов противодействия экстремизму существовали. Точкой отсчета в развитии специального противоэкстремистского законодательства стало окончание Второй мировой войны. Сначала это происходит опосредованно как оформление складывающегося нового миропорядка через закрепление международно-правового стандарта прав личности и системы принципов межгосударственного сотрудничества³. Затем – целенаправленно как ответ на вызовы, деструктивно влияющие на жизнедеятельность человека, общества, государства.

В связи с изложенным можно условно выделить два этапа в использовании и понимании термина «экстремизм» в международных актах: I этап – с 1948 г. (создание ООН и начало формирования международных стандартов прав личности и взаимодействия государств) по 1994 г. (принятие Декларации⁴); II этап – с 1994 г. (конкретизация содержания экстремизма (без употребления термина) с сохранением подхода, намеченного в Декларации 1994 г., где основой террористической

3 Устав ООН (полный текст); Всеобщая декларация прав человека, принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.; Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. // Организация Объединённых Наций. – URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 25.07.2022).

4 Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, принята резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 г. // Организация Объединённых Наций. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма – Декларации – Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы. – URL: <https://www.un.org>. (дата обращения: 25.07.2022). Далее в тексте – Декларация 1994 г.

деятельности назван экстремизм) по настоящее время. До принятия Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма 9 декабря 1994 г. слова «экстремизм» и «экстремистская деятельность» в официальных документах не употреблялись. В означенном документе, несмотря на наличие в преамбуле термина, феномен экстремизма не рассматривается как самостоятельное, имеющее опасность для человечества явление, подчеркивается лишь, что в основе совершения актов терроризма «лежит нетерпимость или экстремизм».

Иными словами, экстремизм как социокультурное явление изначально без своих крайних проявлений в виде террористических актов, по мнению международного сообщества, не представляет опасности. С этим осторожным подходом можно согласиться, если вспомнить семантику слова «экстремизм» (от лат. *extremus* – крайний); а крайними могут быть не только негативные, но и позитивные явления, которые могут иметь положительные последствия.

В последовавших за Декларацией 1994 г. документах термин «экстремизм» также практически не используется, однако озабоченность мирового сообщества проявлениями нетерпимости к человеку, социальным группам и прочим объединениям по различным основаниям (расовой, национальной, этнической, религиозной неприязненности) и совершением террористических актов отражается в принимае-

мых документах. Так, в пунктах 20, 21 Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI в.⁵ подчеркивается необходимость включения в международные стратегии и нормы положений о предупреждении преступности, «связанной с расизмом, расовой дискриминацией, ксенофобией и сопряженными с ними формами нетерпимости» и борьбы с насилием, основанным на нетерпимости к этнической принадлежности. В преамбуле резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 58/174 «Право и терроризм» указано, что террористическая деятельность нарушает права личности, а в пунктах 7, 10, 11 содержится призыв к государствам принять все необходимые меры в соответствии с положениями международного права, укреплять законодательство по противодействию терроризму во всех формах и проявлениях; осуждается «разжигание межнациональной ненависти, насилия и терроризма»; подчеркивается право каждого человека на защиту, «независимо от национальной принадлежности, расы, пола, религии или любого другого отличия»⁶. Экстремизму посвящена Резолюция ПАСЕ № 1344⁷, в которой переплетаются опасения европейского сообщества по поводу распространения экстремизма, так как эта форма политической деятельности «открыто или тайно отвергает принципы парламентской демократии и ... основывает свою идеологию и ... политическую практику ... на нетерпимости, изоляции, ксенофобии, антисемитизме и ультрана-

5 Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века. Принята на Десятом Конгрессе Организации Объединённых Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Вена, 10–17 апреля 2000 г. // Организация Объединённых Наций. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма — Декларации — Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы. — URL: <https://www.un.org>. (дата обращения: 25.07.2022).

6 Резолюция 58/174 «Права человека и терроризм», принятая Генеральной Ассамблеей ООН 22 декабря 2003 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901933671?ysclid=I5x5jgcia419026486> (дата обращения: 29.07.2022).

7 Резолюция ПАСЕ № 1344 (2003) «Угроза демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» от 29 сентября 2003 г. // Парламентская Ассамблея Совета Европы. — URL: <https://pace.coe.int/en/files/17142/html> (дата обращения: 25.07.2022).

ционализме» (п. 3), и возможного ограничения права на «свободу выражения мнений, собраний и ассоциаций» при осуществлении противодействия экстремистской деятельности, попирающей демократические принципы и права человека (п. 8).

Повторимся: изложенное понимание террористических актов как крайнего проявления экстремизма, несмотря на осознание угрозы других негативных последствий экстремизма, доминирует в международном политическом дискурсе Европы, в котором экстремизм, терроризм, агрессия, ненависть, фанатизм, радикализм и другие факторы рассматриваются как «смежные», синонимичные [Хаманова, 2020].

Иной подход имеет место в некоторых государствах постсоветского пространства, где наряду с нормативными правовыми актами о противодействии терроризму есть специальные законы о противодействии экстремизму.

Формирование и развитие противоэкстремистского законодательства в некоторых государствах СНГ

Начало формированию законодательства по противодействию экстремизму в государствах постсоветского пространства положило принятие Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом⁸. Однако в Российской Федерации

уже в 1995 г. Указом Президента Российской Федерации № 310 даны поручения правительству, правоохранительным органам по активизации борьбы с экстремизмом; Российской академии наук предложено дать «научное разъяснение понятия «фашизм» и связанных с ним понятий и терминов для подготовки предложений по внесению изменений и дополнений» в законодательство⁹.

Соразработчиками Шанхайской конвенции 2001 г. являлись Китайская Народная Республика, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан и Российская Федерация¹⁰.

Для цели исследования отметим следующие особенности Шанхайской конвенции 2001 г.: 1) положения документа в основном касаются вопросов взаимодействия государств по противодействию терроризму, сепаратизму и экстремизму; 2) терминам «экстремизм» и «экстремистская деятельность» в документе придается одинаковое содержание; 3) отнесенные к содержанию экстремизма действия направлены на достижение различными способами единственной цели – изменение конституционных основ государства.

После принятия Шанхайской конвенции 2001 г., как упоминалось выше, создается национальное законодательство государств постсоветского пространства, в развитии которого можно выделить два этапа: I этап – 2001–2009 гг., с момента принятия Шанхайской конвенции 2001 г. до принятия

8 Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. Ратифицирована Федеральным законом Российской Федерации от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 155. Далее в тексте – Шанхайская конвенция 2001 г.

9 Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» // Президент России. – URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/7670> (дата обращения: 21.07.2022).

10 В тексте статьи используются следующие сокращения: КР – Кыргызская Республика; РБ – Республика Беларусь; РК – Республика Казахстан; РМ – Республика Молдова; РТ – Республика Таджикистан; РФ – Российская Федерация; РУ – Республика Узбекистан.

Модельного закона «О противодействии экстремизму»¹¹; II этап – с 2009 г. по настоящее время.

Первый этап формирования законодательства о противодействии экстремизму в некоторых государствах постсоветского пространства (2001–2009 гг.) можно охарактеризовать как период закладывания основ национального законодательства по противодействию экстремизму в некоторых государствах постсоветского пространства, который завершился разработкой Модельного закона «О противодействии экстремизму».

После принятия Шанхайской конвенции 2001 г. национальные законы о противодействии экстремизму появились в принимавших участие в разработке документа Киргизии, Казахстане, Таджикистане и России¹² (соответственно 2005, 2003, 2002 гг.), а также в Молдове¹³ и Белоруссии¹⁴, которые не являются членами ШОС.

В целом структурно и содержательно принятые в 2002–2007 гг. законы сходны, хотя есть и принципиальные особенности, некоторые из них обозначены ниже.

Структурное сходство перечисленных выше актов заключается в системе и последовательности изложения норм. В каждом из законов закрепляются основные положения, принципы, основные направления и органи-

зационные основы противодействия экстремистской деятельности, а также ее профилактики, меры реагирования и ответственность за экстремистскую деятельность и распространение экстремистских материалов, вопросы международного сотрудничества по противодействию экстремизму. О сходстве отчасти свидетельствует количество имевшихся в законах статей – от 15 (Молдова) до 21 (Белоруссия (первоначальная редакция), Таджикистан – закон 2003 г.). К бросающимся в глаза структурным особенностям можно отнести также 1) наличие в Законе РТ «О борьбе с экстремизмом» 2003 г. ст. 1 «Цели настоящего закона»; 2) лаконичность названий статей в Законе РМ, что, по нашему мнению, является несомненным достоинством этого акта, поскольку облегчает поиск нужной для применения нормы; 3) использование в названии структурных элементов закона терминов, четко отражающих сущность регулируемых отношений. Примером может служить название ст. 10 «Регистр материалов экстремистского характера» Закона РМ «О противодействии экстремистской деятельности», в котором используется ключевое слово «регистр», включение или невключение в который либо относит, либо не относит материал к экстремистскому. Четкое формулирование названия с использованием

11 Модельный закон «О противодействии экстремизму». Принят на тридцать втором пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 32-9 от 14 мая 2009 г.) // Антитеррористический центр государств – участников Содружества Независимых Государств. – URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/154/250> (дата обращения: 27.06.2022). Далее в тексте – Модельный закон.

12 Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 г. № 150 // Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: <https://minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1748?ysclid=l4syrdjirj2796798412> (дата обращения: 28.06.2022); Закон РК «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 г. № 31-III (с изменениями и дополнениями на 25.05.2020). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865 (дата обращения: 28.06.2022); закон РТ «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г. № 69 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2003. – № 12. – Ст. 697; Федеральный закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

13 Закон РМ «О противодействии экстремистской деятельности» № 54-XV от 21 февраля 2003 г. (редакция от 1 июля 2016 г.). – URL: <https://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=313209&lang=2> (дата обращения: 27.06.2022).

14 Закон РБ «О противодействии экстремизму» от 4 января 2007 г. № 203-3 // Законодательство Беларуси. – URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_protivodejstvii_ekstremizmu.htm?ysclid=l4rqp482hc730886172021 (дата обращения: 27.06.2022).

ключевого слова упорядочило изложение норм в ст. 10 Закона РМ.

Как отмечалось, содержание перечисленных выше законов также сходно. Все акты носят рамочный характер и предполагают детализацию имеющихся в них положений. Практически единым является набор регулируемых моментов. Повторимся: это основные понятия, принципы, субъекты противоекстремистской деятельности, меры реагирования и т. п. Однако наряду с общим подходом есть ряд различий, порой весьма серьезных, например в системе и интерпретации понятий. Так, в законах содержится тройкий подход к раскрытию легального содержания понятия «экстремизм»: 1) воспроизводящий положения Шанхайской конвенции 2003 г. – отождествление экстремизма и экстремистской деятельности (ст. 1 соответствующих законов Белоруссии, Киргизии, России); 2) тяготеющий к указанному в п. 1 сочетанный подход – обозначение двух понятий: экстремизм и экстремистская деятельность, – которые, можно сказать, едины по содержанию (ст. 1 законов Казахстана и Таджикистана, такая же регламентация впоследствии воспроизведена в ст. 3 закона Узбекистана); 3) четкое разграничение экстремизма и экстремистской деятельности (ст. 1 закона Молдовы), когда подчеркивается, что экстремизм – это некоторые политические течения, предполагающие реализацию своих идей насильственным или радикальным способом, а экстремистская деятельность – это насильственное осуществление различными субъектами этих идей, что, на наш взгляд, более предпочтительно, поскольку исключает привлечение к ответственности просто за инакомыслие.

Разнообразие легальных подходов к содержанию понятия «экстремизм» – следствие дискуссионности этого во-

проса в научной литературе, в которой до настоящего времени не выработано единой точки зрения на этот феномен [Жукова, Ярошук, 2020; Смольяков, Аристов, Носенков, 2020; Орлова, Мишальченко, Пацек, 2018]. Отсутствие устоявшегося понимания, что такое экстремизм, смешение, хотя и связанных, но различных явлений «экстремизм» и «экстремистская деятельность», имеют негативные, отмечаемые исследователями последствия: 1) хаотичность и фрагментарность законодательства о противодействии экстремизму; 2) «широкое», «растягиваемое» законодательное определение экстремизма, что приводит к произвольному отнесению уголовно-правовых запретов к преступлениям экстремистской направленности, и 3) как результат – опасность политизации уголовного закона, посредством которого можно бороться с инакомыслящими, но отнюдь не стремящимися к насильственному захвату власти или каким-либо радикальным проявлениями, и т. п. [Бабий, 2009]. В этом смысле не бесспорно отнесение в белорусском и российском законах о противодействии экстремизму к экстремистской деятельности воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения, а в российском законе – совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Приведенные формулировки содержат неопределенные, оценочные и подлежащие толкованию термины (воспрепятствование; угроза применения насилия; политические мотивы и т. п.), наполнение содержания

которых зависит от интерпретационной модели и разумения правоприменителя, на которое влияет проводимая в государстве политика, даваемые установки, индивидуальные особенности субъекта административно- и уголовно-процессуальной деятельности и пр.

Итогом первого этапа становления законодательства стало принятие Модельного закона «О противодействии экстремизму», который по объему и содержанию аналогичен упомянутым выше актам. Положения Модельного закона воспроизводят все те направления правового регулирования, перечисленные выше, которые нашли отражение в законах Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдовы и России, фактически обобщают их опыт законотворчества. Некоторые исследователи усматривают отличие Модельного закона от российского, например в трактовке понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность» [Орлова, Мишалченко, Пацек, 2018]. Номинально в статье 1 Модельного закона эти понятия действительно указаны как самостоятельные, но их содержание тождественно, раскрывается через действие: в случае с экстремизмом это посягательство на конституционный строй и т. п., а с экстремистской деятельностью – это деятельность различных субъектов по планированию, организации, подготовке и совершению действий, отнесенных к экстремистским (сравните нормы ст. 1 обоих актов).

Таким образом, на первом этапе (2001–2009 гг.) начинается формироваться специальное противоэкстремистское законодательство в некоторых государствах постсоветского пространства. Принятые законы, несмотря на

большую (в сравнении с положениями Шанхайской конвенции 2001 г.) проработанность нормативных предписаний, носят рамочный характер и детерминируют конкретизацию в иных нормативных правовых актах, в частности в административных и уголовных кодексах. Модельный закон «О противодействии экстремизму» аккумулировал наработки национальных законодателей, но не содержит никаких новых положений, которые позволили бы рассуждать о дальнейших возможных направлениях развития и совершенствования национального законодательства по противодействию экстремизму.

Второй этап развития законодательства о противодействии экстремизму (2009 г. – настоящее время)

Можно отметить следующие моменты развития законодательства о противодействии экстремизму на данном этапе:

1. Появление в 2018 г. Закона «О противодействии экстремизму» в Узбекистане¹⁵. Это произошло спустя полтора десятка лет после принятия первых подобных документов в России (2002 г.) и Таджикистане (2003 г.), но существенно не сказалось на структуре и содержании документа. Закон РУ «О противодействии экстремизму» рамочный, имеет примерно тот же объем (24 статьи) и тот же набор направлений регламентации, но несколько иную группировку норм, скомпонованных в 5 главах.

2. Принятие нового закона «О противодействии экстремизму» в Тад-

¹⁵ Закон РУ «О противодействии экстремизму» от 30 июля 2018 г. № 3РУ-489-сон. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/3841963> (дата обращения: 27.06.2022).

жикистане¹⁶. Сопоставление текстов нормативных правовых актов 2003 и 2020 гг. позволяет выявить ряд особенностей нового закона, в том числе: а) несколько больший объем (29 статей против имевшейся 21); б) группировка норм в 6 главах; в) детализация понятийного аппарата: в законе 2003 г. имела интерпретация только 4 терминов: «экстремизм», «экстремистская деятельность», «экстремистская организация», «экстремистские материалы»; помимо перечисленных, во вновь принятом акте (2020 г.) есть понятия «документ», «финансирование экстремизма», «противодействие экстремизму», «преступление экстремистского характера» и «административное правонарушение экстремистского характера» (ст. 1); различение понятий «экстремистский материал» и «документ», под которым понимается «...материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией...», содержащей «...идеологию экстремизма либо призывающих, оправдывающих или обосновывающих осуществление экстремистской деятельности...» и имеющий «...реквизиты, позволяющие его идентифицировать...», может иметь положительный эффект, поскольку исключает усмотрение при правоприменении; г) значительное внимание уделено организации противодействия экстремизму и конкретизации компетенции субъектов противоэкстремистской деятельности (глава 2 «Основы управления противодействия экстремизму»); д) расширен перечень действий, признаваемых экстремистскими: в частности, к таковым отнесены привлечение к изучению экстремистской идеологии

и применение насилия или угроза применения насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов и других государственных учреждений и их близких «с целью мести за действия, связанные с осуществлением служебной деятельности, либо угроза применения насилия по этим мотивам» (ч. 2 ст. 3). Отнесение таджикским законодателем к экстремистским угрозы применения насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов и государственных учреждений и их близких, на наш взгляд, усиливает конкуренцию норм подпунктов «б» и «м» п. 2 ст. 104, подпунктов «б» и «м» п. 2 ст. 110, подпунктов «б» и «е» п. 2 ст. 111, подпунктов «б» и «ж» п. 2 ст. 117, ст. 307 (1), 328, 329 УК РТ¹⁷, усложняет правоприменение и может способствовать злоупотреблению правом.

Небесспорно и признание экстремистским действием привлечение к изучению экстремистской идеологии, поскольку изучение экстремистской идеологии может не иметь негативных объективированных последствий. В данном случае законодатель привел Закон РТ «О противодействии экстремизму» в соответствие Уголовному кодексу РТ, в котором в 2011 г. криминализована организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера (ст. 307 (4))¹⁸, что является тяжким (ч. 1) или особо тяжким (ч. 2) преступлением. Причем объективная сторона преступления влечет уголовную ответственность не только за организацию и руководство, но и за участие в таком обучении без наступления каких-либо вредоносных последствий.

16 Закон РТ «О противодействии экстремизму» от 2 января 2020 г. № 1655. – URL: http://ncz.tj/system/files/Legislation/1655_ru.pdf (дата обращения: 06.07.2022).

17 Уголовный кодекс РТ от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.07.2022). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=6;-88#pos=6;-88 (дата обращения: 30.09.2022).

18 Закон РТ от 2 августа 2011 г. № 750 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан». – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=46593&ysclid=l62sd2thh8603226639 (дата обращения: 27.07.2022).

3. Внесение изменений и дополнений в ранее принятые акты о противодействии экстремизму. Эти корректировки носили как технический (например, замена названия координационного органа – межведомственная комиссия по борьбе с преступностью, коррупцией и наркоманией на координационные совещания по борьбе с преступностью и коррупцией)¹⁹, так и сущностный характер. Большая часть содержательных изменений касалась корректировки понятийного аппарата, прежде всего понятий «экстремистская деятельность» и «материалы экстремистского содержания». Кроме того, изменения затронули вопросы организации противодействия экстремистской деятельности, включая компетенцию отдельных государственных органов и должностных лиц, учет материалов и экстремистских организаций и ответственности. Например, в кыргызском законе к экстремистской отнесена деятельность, осуществляемая по этническим мотивам; учрежден координационный экспертный комитет для проведения экспертизы документов и устных высказываний на наличие экстремистского содержания; закреплён принцип сотрудничества с другими государствами в противодействии экстремистским действиям; конкретизирована подсудность признания материалов экстремистскими (по месту

обнаружения); зафиксировано положение об обязательности размещения перечня экстремистских материалов не только в СМИ, но и на официальных сайтах государственных органов, занимающихся противодействием экстремистской деятельности; отнесена к экстремистской деятельности разработка экстремистских материалов; интерпретировано понятие «экстремистская атрибутика и символика» (ст. 1, 2, 4, 13, 15)²⁰.

В Законе РК «О противодействии экстремизму» появились понятия «экстремизм» (фактически совпадающее с понятием «экстремистская деятельность», на что указывалось выше) (п. 1 ст. 1 в редакции Закона от 3 июля 2014 г.), «экстремистская группа» (п. 8 ст. 1 в редакции Закона от 2 января 2015 г.), уточнено понятие «экстремистский материал» – из дефиниции исключено указание на то, что экстремистские материалы должны предназначаться для обнародования и распространения, что, думается, чревато произвольным ограничением прав и свобод личности (сравните нормы п. 7 ст. 1 в редакциях законов от 23 апреля 2014 г. и 2 января 2015 г.)²¹.

Молдавский законодатель, корректируя закон, сосредоточился на детализации регламентации одной из форм экстремистской деятельности – «пропаганде и публичном демонстрирова-

19 Закон РБ № 78-3 от 28 декабря 2009 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь» // Белзакон.net. – URL: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/2009/431?ysclid=I5eguu7n5t778299067 (дата обращения: 10.07.2022).

20 Закон КР от 20 февраля 2009 г. № 60 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» // Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: <https://minjust.gov.kg> (дата обращения: 18.07.2022); Закон КР от 2 августа 2016 г. № 162 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере противодействия терроризму и экстремизму» // Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: <https://minjust.gov.kg> (дата обращения: 18.07.2022); Закон РК от 3 июля 2014 г. № 227-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного законодательства». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575506&pos=1;-16#pos=1;-16 (дата обращения: 18.07.2022).

21 Закон РК от 3 июля 2014 г. № 227-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного законодательства». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575506&pos=1;-16#pos=1;-16; Закон РК от 3 ноября 2014 г. № 244-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам противодействия экстремизму и терроризму». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31623458&pos=186;-35#pos=186;-35 (zakon.kz) (дата обращения: 12.07.2022).

нии нацистской атрибутики или символики, атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» (п. «b» ст. 1). Поводом послужило решение Конституционного Суда Республики Молдова о признании неконституционным пункта «b» статьи 1 Закона «О противодействии экстремистской деятельности» в силу ее недостаточной точности и предсказуемости²². Во исполнение решения Конституционного Суда РМ законодатель детализировал содержание этой формы экстремистской деятельности, закрепив приемы пропаганды, конкретизировав понятия «фашистская и национал-социалистическая атрибутика и символика» и «атрибутика и символика экстремистской организации и материалов экстремистского характера», а также дополнив статью 10 требованием вносить в регистр не только материалы экстремистского содержания, но и экстремистские организации²³. На наш взгляд, изложенным выше способом в Молдове попытались решить обозначенную в Резолюции ПАСЕ № 1344 (2003 г.) дилемму – противодействовать экстремизму, но так, чтобы не допустить ограничения прав и свобод личности (п. 8). В 2022 г. к пропаганде экстремистской деятельности и к материалам экстремистского содержания молдавский законодатель отнес общеизвестную атрибутику или символику, используемую «в контексте актов военной агрессии, военных преступле-

ний либо преступлений против человечества, а также пропаганды или прославления этих действий», и атрибутику либо символику, сходную «с ними до степени смешения»²⁴. Указанные изменения молдавского закона в 2022 г. наглядно иллюстрируют некоторые особенности противоэкстремистского законодательства: свобода усмотрения в том, что есть экстремизм, высокий политический заряд противоэкстремистского законодательства и отражение в понимании феномена «экстремизм» проводимой политики и особенностей социально-экономического контекста, имеющегося в конкретном государстве.

Несколько изменений появилось в Законе РБ «О противодействии экстремизму»: уточнены понятия «экстремизм (экстремистская деятельность)», «экстремистские материалы», «финансирование экстремистской деятельности», «экстремистская группа» системы субъектов противодействия экстремизму и мер реагирования в отношении субъектов, занимающихся экстремистской деятельностью, раскрыто содержание термина «нацизм», который затем исключили из этого акта в связи с принятием Закона РБ «О недопущении реабилитации нацизма». В ст. 1 этого документа содержатся развернутые определения понятий «нацизм» и «нацистская символика и атрибутика»²⁵. В конечном итоге в Республике Беларусь появилась обновленная редакция закона «О противодействии

22 Постановление Конституционного Суда № 28 от 23 ноября 2015 г. о контроле конституционности некоторых положений ст. 1 Закона № 54 от 21 февраля 2003 г. о противодействии экстремистской деятельности (использование нацистской символики) // Monitorul Oficial. – 2016. – № 79–89. – Ст. 23.

23 Закон № 128 РМ от 12 июня 2016 г. «О внесении изменений в Закон о противодействии экстремистской деятельности» № 54-ХV от 21 февраля 2003 г. // Monitorul Oficial. – 2016. – № 184–192. – Ст. 399.

24 Закон № 102 РМ от 14 апреля 2022 г. «О внесении изменений в некоторые нормативные акты // Monitorul Oficial. – 2022. – № 115–117. – Ст. 212.

25 Закон РБ № 103-3 от 14 мая 2021 г. «О недопущении реабилитации нацизма». – URL: [\(https://zakon_o_nedopushchenii_nacizma.pdf \(bsatu.by\)\)](https://zakon_o_nedopushchenii_nacizma.pdf (bsatu.by)) (дата обращения: 30.09.2022).

экстремизму»²⁶, внутренняя организация норм в котором упорядочена посредством распределения нормативных предписаний по главам.

Примерно в таких же направлениях, как и перечисленные выше, корректировался российский закон. Так, было изменено содержание понятия «экстремистская деятельность» в части отнесения к экстремистским действиям нарушение территориальной целостности России; в понятии «экстремистские материалы» словосочетание «обнародование документов либо информации на иных носителях» заменено на «распространение либо публичное демонстрация документов либо информации на иных носителях», что улучшило редакцию нормы и упрощает правоприменение; уточнено, что единственным органом, ведущим Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности, является федеральный орган государственной регистрации, размещающий информацию на своем сайте (до внесения этого изменения в закон содержалась неопределенная формулировка «сайты федеральных органов власти»); конкретизированы процедура и сроки направления в течение 3 суток – решений о приостановлении или отмене приостановления деятельности общественных и религиозных объединений и др.²⁷

4. Принятие Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму 2017 г.²⁸ Как следует из преамбулы означенного документа, в нем развиваются положения Шанхайской конвенции 2001 г. Подытоживая более чем 15-летний опыт сотрудничества по противодействию экстремизму, государства – члены ШОС уделили внимание понятийному аппарату. К примеру, в Шанхайской конвенции 2017 г. дано несколько иное, нежели имевшееся в документе 2001 г., определение экстремизма, под которым понимается уже не только практика (деятельность), но и идеология разрешения различных конфликтов (политических, социальных, расовых, национальных и религиозных) посредством насильственных и иных антиконституционных действий (п. 2. ч. 1 ст. 2). Несмотря на отмеченное выше уточнение, в Шанхайской конвенции 2017 г. сохранено смешение понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность (экстремистский акт)», что расширяет возможности для злоупотребления правом, поскольку потенциально допускает привлечение к ответственности за «мысль». Расширен перечень относимых к экстремистским актам действий. Положения Шанхайской конвенции 2001 г. экстремистскими признавали действия, сопряженные с насильственными захватом и удержанием власти, изменением конституционного строя, а также посягательство на общественную безопасность, вклю-

26 Закон РБ от 14 мая 2021 г. № 104-З «Об изменении законов по вопросам противодействия экстремизму» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://www.bsatu.by/sites/default/files/images/u581/zakon_o_nedopushchenii_nacizma.pdf belcofe.by (дата обращения: 29.09.2022).

27 Федеральный закон РФ от 15 октября 2020 г. № 337-ФЗ «О внесении изменений в статьи 9 и 10 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Президент России. – URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/45933>; Федеральный закон РФ от 31 июля 2020 г. № 299-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона 31.07.2020 «О противодействии экстремистской деятельности» // Президент России. – URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/45808> (дата обращения: 26.07.2022) и др.

28 Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/542655220?ysclid=l65z64lx-nr882068905> (дата обращения: 29.07.2022). Далее в тексте – Шанхайская конвенция 2017 г.

чая организацию для достижения перечисленных целей вооруженных формирований и участие в них (п. 3 ч. 1 ст. 1). Иными словами, то, что связано с насильственным (!) посягательством на государственность. Положения Шанхайской конвенции 2017 г. в большей степени направлены на раскрытие содержания деятельностных аспектов (форм): *организация, руководство, участие* в вооруженном мятеже, экстремистской организации; *разжигание* политической, социальной, расовой, национальной и религиозной вражды или розни; *пропаганда* исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его политической, социальной, расовой, национальной и религиозной принадлежности; *публичные призывы* к осуществлению указанных деяний; *массовое изготовление, хранение и распространение* материалов в целях пропаганды экстремизма. Словом, в анализируемом документе сфокусирован перечень способов реализации экстремистских устремлений, за совершение которых в соответствии с предписаниями ст. 9 Шанхайской конвенции 2017 г. государства, ратифицировавшие Конвенцию, обязаны установить гражданскую, административную и уголовную ответственность, в том числе за осуществление экстремистских актов, финансирование экстремистской деятельности, вовлечение лиц в занятие экстремистской деятельностью в различных формах и т. д. Более половины статей Шанхайской конвенции 2017 г. (23 из 35) посвящены вопросам межгосударственного сотрудничества, что объяснимо международным уровнем соглашения, посвященного противодействию транснациональным правонарушениям, и, как отмечалось выше, являющегося неким итогом совместной работы государств – членов ШОС, с одновременным закреплением положений, по-

зволяющих развивать дальнейшее сотрудничество в этой сфере. В сравнении с Конвенцией 2001 г. в анализируемом документе в плане межгосударственного взаимодействия можно усмотреть большую конкретику. Это не только регламентация упомянутых выше правил определения юрисдикции государств по преступлениям экстремистской направленности, но и: 1) указание на допустимость исполнения запроса при отсутствии договора о выдаче или правовой помощи на основании Шанхайской конвенции 2017 г. (ч. 2 ст. 11), что является подтверждением «прикладного», конкретного содержания документа; обеспечение конфиденциальности и закрепление 30-дневного срока исполнения направляемых запросов (ч. 2 ст. 12, ч. 4 ст. 14); 2) изменение системы оснований отсрочки и отказа в исполнении запросов: исключено основание отказа в исполнении запроса в связи с тем, что деяние не признается преступлением по законодательству запрашиваемой стороны (ч. 7 ст. 9 Шанхайской конвенции 2001 г.) и допущена отсрочка исполнения запроса в интересах проведения оперативно-розыскных мероприятий, расследования и судебного разбирательства, осуществляемого органами запрашиваемой стороны (ч. 1 ст. 16); 3) применение обеспечительных мер ответственности юридического лиц на основании запроса, в частности, наложение ареста на имущество, которое может быть объектом конфискации, блокирование (замораживание) денежных средств и другого имущества юридического лица, приостановление отдельных видов деятельности (ч. 1 ст. 22); 4) участие представителей государства, осуществляющего уголовное преследование, в производстве оперативно-розыскных мероприятий и следственных действиях, производимых на территории запрашиваемого государства по месту

нахождения подозреваемых или обвиняемых (ст. 17); 5) признание юридической силы доказательств, полученных в соответствии с запросом по правилам, предусмотренным национальным законодательством запрашиваемого государства (ст. 18), и др.

Таким образом, начиная с 2009 г. с учетом наработанного опыта противодействия экстремизму, особенностей имеющихся социальных проблем и обусловленной этим государственной политикой происходит изменение противоэкстремистского законодательства. Основные направления корректировки носят взаимоисключающий характер. С одной стороны, например, расширяется содержание понятия «экстремистская деятельность», причем иногда внесением неопределенных формулировок (Таджикистан и др.). С другой стороны, появляются более конкретные положения, которые превентивуют возможные злоупотребления правом при привлечении физических и юридических лиц к ответственности (Молдова, Россия, Таджикистан и др.).

Выводы

1. Формирование противоэкстремистского законодательства в некоторых государствах постсоветского пространства – следствие вызовов со стороны радикально настроенных лиц и их объединений, стремящихся к насильственному захвату власти, изменению территориальной целостности государств, исповедующих идеологию расового, национального, религиозного, этнического и другого превосходства.

2. Концептуальные подходы к противодействию экстремизму закреплены в международных документах, в которых понятия «экстремизм», «терро-

ризм», «ненависть», «агрессия», «ксенофобия» и другие используются как смежные.

3. Особое значение для создания и развития противоэкстремистского законодательства в государствах постсоветского пространства имеют Шанхайские конвенции 2001 и 2017 гг., положения которых диверсифицировали законодательство о противодействии терроризму и экстремизму, послужили толчком к принятию национальных противоэкстремистских законов, обобщили наработанный опыт и заложили основы межгосударственного сотрудничества.

4. В развитии специального законодательства можно выделить два этапа: 1) с 2001 по 2009 г. и 2) с 2009 г. по настоящее время. Первый этап – это принятие национальных законов о противодействии экстремизму, завершившийся разработкой Модельного закона 2009 г., в котором аккумулировался наработанный в государствах СНГ нормативный материал. На втором этапе происходит корректировка законодательства с учетом опыта противодействия экстремизму и новых вызов со стороны экстремистски настроенных лиц.

5. Имеющиеся в некоторых государствах СНГ законы о противодействии экстремизму (экстремистской деятельности), несмотря на структурное и содержательное сходство и рамочный характер, имеют специфику, отражающую особенности общественных отношений и проблем, имеющих в каждом государстве.

Список литературы

Агапов П. Преступления экстремистской направленности: вопросы толкования и практики // Законность. – 2020. – № 10 (924). – С. 13–15.

Амельчакова В.Н., Малахова Н.В. Актуальные вопросы правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях экстремистской направленности // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 1. – С. 152–154. – DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10032.

Бабий Н.А. Методологические подходы к установлению уголовно-правового соотношения между насилием, терроризмом, экстремизмом и агрессией // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2009. – № 1. – С. 113–132.

Барабаш Д.Е. Специфика уголовно-правового регулирования ответственности за преступления экстремистской направленности в РФ // Синергия наук. – 2020. – № 53. – С. 87–103.

Баранов В.В. Некоторые проблемы расследования и противодействия расследованию экстремистских преступлений, совершаемых с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 1 (61). – С. 70–80. – DOI: 10.24412/2072-9391-2022-161-70-80.

Бешукова З.М. Сравнительно-правовой анализ законодательства государств – участников СНГ об ответственности за экстремизм // Правоведение. – 2014. – № 3 (314). – С. 133–143.

Ганаева Е.Э. Ретроспективный анализ отечественного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления экстремистской направленности // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 10 (190). – С. 203–206. – DOI: 10.47643/1815-1329_2020_10_203.

Жукова Н.А., Ярошук И.А. Экстремизм: понятие и генезис в контексте международной правовой науки // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2020. – Т. 45, № 1. – С. 113–122. – DOI: 10.18413/2712-746X-2020-45-1-113-122.

Калачов Н.В. Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций. Изд. 4-е (без перемен). – Москва : Тип. Августа Семена, 1846. – 52 с.

Кочои С.М. О качестве уголовно-правового регулирования ответственности за экстремизм и идеологический экстремизм // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 240–247. – DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(2).240-247.

Маньков А.В. История терроризма в России: революционный терроризм эсеров в начале XX века // International Journal of Anti-terrorism Studies. – 2017. – № 2 (1) – С. 19–29. – DOI: 10.13187/ijats.2017.

Орлова И.А., Мишальченко Ю.В., Пацек М. Неопределённость регулирования в борьбе с экстремизмом в международном и национальном праве // Управленческое консультирование. – 2018. – № 12. – С. 18–24. – DOI: 10.22394/1726-1139-2018-12-18-24.

Смоляков А.А., Аристов Р.В., Носенков А.П. Экстремизм как социально-политическая и правовая категория // Закон. Право. Государство. – 2020. – № 4-1 (28). – С. 73–78.

Хаманаева Д.Р. Концепт «экстремизм» в англоязычном политическом дискурсе // Поволжский педагогический вестник. – 2020. – Т. 8, № 2 (27). – С. 47–52.

The Post-Soviet Space

DOI: 10.31249/kgt/2022.06.10

Periodization of the Development Legislation on Countering Extremism in Some Post-Soviet States

Alla V. VERESHCHAGINA

Candidate of Sciences (PhD) in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines

Vladivostok State University of Economics and Service

Gogol' Street, 41, Vladivostok, Russian Federation, 690014

E-mail: vereschagina_alla@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2243-0007

CITATION: Vereshchagina A.V. (2022). Periodization of the Development Legislation on Countering Extremism in Some Post-Soviet States. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 15, no. 6, pp. 196–213 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.06.10

Received: 29.07.2022.

Revised: 10.10.2022.

ABSTRACT. *The formation of a new world order after the Second World War was accompanied by the development of international law, which fixed, among other things, the international legal standard of individual rights. The ideas of the inadmissibility of racism, xenophobia, hatred and their extreme manifestations of terrorist acts are held as a red thread in international legal acts. Since the 1990s, extremism has been considered as a phenomenon, although associated with terrorist activities, but having an independent negative impact on the society. In 2001, the SCO member states adopt the Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism, which marks the beginning of the formation of national anti-extremist legislation in some CIS states. The purpose of the study is to periodize the development of legislation on countering extremism in the states of the post-Soviet space. In the development of spe-*

cial legislation on countering extremism in the post-Soviet space, two stages can be distinguished, each of which has its own characteristics. The period from 2001 to 2009 is the time for the development and adoption of national laws that fix the basic concepts, principles and directions of countering extremism, as well as the issues of international cooperation. At the second stage, from 2009 to the present, the specification of regulatory requirements continues, taking into account the accumulated experience. New laws have been adopted in the republics of Tajikistan and Uzbekistan. The Shanghai Convention on Combating Extremism, adopted in 2017, specifies the methods of interstate cooperation. However, even taking into account the innovations, special laws on countering extremism are of a framework nature, requiring specification in other laws and by-laws; they are similar in structure and content and have a number of features

that are determined by the political and social context.

KEYWORDS: *act of terrorism; extremism; extremist actions; extremist materials; legislation on countering extremism; Belarus, Moldova, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Tajikistan, Uzbekistan.*

References

- Agapov P. (2011). Crimes of an extremist orientation: questions of theory and practice. *Legitimacy*. No. 10 (924), pp. 13–15 (in Russian).
- Amel'chakova V.N., Malahova N.V. (2020). Topical issues of law enforcement practice in cases of administrative offenses of an extremist orientation. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1, pp. 152–154 (in Russian). DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10032.
- Babij N.A. (2009). Methodological approaches to establishing a criminal-legal relationship between violence, terrorism, extremism and aggression // *Problems of strengthening legality and order: science, practice, trends*. No. 1, pp. 113–132 (in Russian).
- Barabash D.Ye. (2020). Specificity of the criminal-legal regulation of responsibility for crimes of extremists in the Russian Federation. *Synergy of Sciences*. No. 53, pp. 87–103 (in Russian).
- Baranov V.V. (2022). Some Problems of Investigation and Counteraction to the Investigation of Extremist Crimes Committed Using Telecommunications and Computer Information. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*. No. 1 (61), pp. 70–80 (in Russian). DOI: 10.24412/2072-9391-2022-161-70-80.
- Beshukova Z.M. (2014). Comparative analysis of legislation of the CIS countries regarding liability for extremism. *Jurisprudence*. No. 3 (314), pp. 133–143 (in Russian).
- Ganayeva Ye.E. (2020). Retrospective analysis of the domestic pre-revolutionary criminal law, providing for responsibility for crimes of extremist orientation. *Agrarian and land law*. No. 10 (190), pp. 203–206 (in Russian). DOI: 10.47643/1815-1329_2020_10_203.
- Kalachov N.V. (1846). *The text of the Russian Truth based on four lists of different edits*. 4th ed. (without changes). Moscow : Type. August Seeds, 52 pp. (in Russian).
- Khamanayeva D.R. (2020). The concept of “extremism” in the English-language political discourse. *Volga Pedagogical Bulletin*. Vol. 8, no. 2 (27), pp. 47–52 (in Russian).
- Kochoi S.M. (2022). On the quality of criminal law regulation of responsibility for extremism and ideological extremism. *All-Russian criminological journal*. Vol. 16, no. 2, pp. 240–247 (in Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(2).240-247.
- Man'kov A.V. (2017). The History of Terrorism in Russia: Revolutionary Terrorism of Socialist-Revolutionaries at the beginning of the XX Century. *International Journal of Anti-terrorism Studies*. No. 2 (1), pp. 19–29 (in Russian). DOI: 10.13187/ijats.2017.1.19.
- Orlova I.A., Mishal'chenko Yu.V., Patsek M. (2018). Uncertainty of regulation in the fight against extremism in international and national law. *Management Consulting*. No. 12, pp. 18–24 (in Russian). DOI: 10.22394/1726-1139-2018-12-18-24.
- Smol'yakov A.A., Aristov R.V. Nosenkov A.P. (2020). Extremism as a socio-political and legal category. *Lex. Jus. Civitas*. No. 4-1 (28), pp. 73–78 (in Russian).
- Zhukova, N.A., Yaroshchuk I.A. (2020). Extremism: concept and genesis in the context of international legal science. *NOMOTHIKA: Philosophy. Sociology. Law*. No. 45 (1), pp. 113–122 (in Russian). DOI: 10.18413/2712-746X-2020-45-1-113-122.